

ЗОЛОТОЙ ВЕК РОГОВОЙ МУЗЫКИ

Вскоре большой роговой оркестр был создан. В нём было 36 исполнителей. Мареш лично изготовил 37 инструментов – от басов in G до дискантов, в общей сложности диапазоном в 3 октавы. Маленькие рога имели в длину всего 20 сантиметров, большие достигали трёх метров, и для них изготовили специальные подставки. В короткий срок он разучил с оркестрантами еще несколько пьес, гораздо более сложных – и роговая музыка стала звучать в имении у Нарышкина почти каждый вечер.

«Эти новые музыканты, – писал историк искусств Якоб Штелин в 1770 году, – играют не только идущие в медленном темпе несложные произведения, но и прекрасные вновь сочиненные охотничьи песни, марши, арии, симфонии целиком – *allegro*, *andante* и *resto* и другие произведения в быстрых темпах сложнейшей гармонизации и с пассажами... Особенно поразительно, когда фигурации и другие пассажи, состоящие из двух-трех быстро чередующихся нот и требующие особенной точности трубачей, исполняются так свободно, как будто бы их играет искусный музыкант на своем инструменте»¹.

В 1752 году Нарышкиным, к тому времени ставшим придворным обер-егермейстером, была устроена для императрицы Елизаветы большая охота при селе Измайлове под Москвой. Приглашены были «чужестранные» министры и множество именитых гостей. Для музыкантов и егерей Нарышкин велел сшить мундиры из тонкого красного сукна с зелеными шароварами и обложить их позументом. На картузах егерей сиял позолоченный сокол, а на пуговицах были изображена голова дикого зверя – какого, это смотря по роду службы и должности охотника. Собраны были также из разных мест лучшие лошади и собаки, «дабы все то показать, сколько можно во всем совершенстве».

Свой роговой оркестр Нарышкин велел спрятать в лесу. Внезапно донесшиеся до ушей императрицы и гостей звуки необычной красоты пленили всех, и прежде всего Елизавету. Она немедленно выразила желание иметь такой же оркестр при дворе, а Марешу велела заняться обучением его и назначила его «начальником роговой музыки». Так родился Придворный роговой оркестр, просуществовавший до 1820-х годов как штатный коллектив при императорском Дворе.

Слух о «роговом чуде» разнесся и по Москве, и по Петербургу. К Нарышкину зачастили именитые гости. Всех, кто только слышал роговую музыку, она приводила в неописуемый восторг, равнодушных не было. Осталось немало свидетельств этому. Штелин писал: «По своему устройству, звучанию и воздействию – это совершенно новая своеобразная музыка, с которой никакая другая не может сравниться по помпезности и приятности звука...» Звучанием оркестра был заворожён М.В.Ломоносов, написавший в 1752 году оду «На изобретение роговой музыки»:

«Что было грубостью
в охотничьих рогах,
Нарышкин умягчил
при наших берегах.
Чего и дикие животны убегали,
В том слухи нежные приятностей сыскали...»

Со временем Мареш придумал для рогов выдвижной муфтовый механизм и клапаны, позволявшие подстраивать инструменты и варьировать высоту звучания каждого в объеме до 1,5 тона. Придумал он и мундштуки для рогов.

Да, звучание рогового оркестра было чарующим. Но игра на рогах требовала от музыкантов огромного внимания и невероятного напряжения легких. Оркестранты часто страдали легочным недомоганием, астмой, иногда кончалось и чахоткой. К тому же, многочасовые репетиции изо дня в день доводили исполнителей до изнеможения. Оркестры

составлялись из солдат и барских крепостных, которые в буквальном смысле муштровались для исполнения каждой новой пьесы. Если к этому прибавить почти военную дисциплину, царившую в оркестрах, когда за небольшую провинность музыканта секли розгами или сажали в чулан, можно представить, какой ценой давалась та «волшебная» музыка, о которой современники писали как о чуде. Нередко крепостной попадал в оркестр ещё в детском возрасте, и за ним навсегда закреплялся один инструмент. Так и должен он был всю жизнь выдувать одну ноту, превращаясь в «живую клавишу». Музыканты даже теряли свои имена, их кликали по названию ноты. Граф В.А.Соллогуб пишет в «Воспоминаниях», как однажды при Екатерине II в полицейский участок были приведены двое неизвестных, и на вопрос, кто они такие, один ответил: «Я – нарышкинский До», а второй: «А я – нарышкинский Фа-диез», чем привели квартального поручика в полное недоумение. Крепостные, становясь Фа-диезами и Си-бемолями, лишались и имени, и достоинства.

Тем не менее, «чудо» приобретало все большую славу. Во второй половине XVIII века, во времена Екатерины II, роговой оркестр сделался прямо-таки модным. К тому времени оркестры уже имели, помимо Нарышкиных, графы Орловы, Разумовские, Строгановы. Имели свой оркестр будущий канцлер А. А. Безбородко, князь Г. А. Потемкин, князь Ф. Ф. Вадковский. Не только в Петербурге, но и в Москве, и в других городах мода набирала силу. В 1790-м при Дворе было два роговых оркестра, имели их и некоторые полки – гвардейский Егерский, Конногвардейский, Преображенский.

Екатерине II-й тоже очень полюбилась роговая музыка. В Царскосельском парке роговой оркестр играл в течение всего лета, услаждая слух гулявших придворных и гостей. Г.Р.Державин воспел эти царскосельские забавы:

«Велела нимфам, купидонам
Играть, плясать между собой
По слышимым приятным тонам
Вдали музыки роговой...»

Без «рогов» не обходилось ни одно гуляние – но и ни одно празднество. Роговой оркестр звучал на торжествах по случаю мира с Портой (Османской империей) в 1775 году, а в 1791-м на знаменитом Потёмкинском празднике в Таврическом дворце по случаю покорения Крыма играл роговой оркестр из трёхсот музыкантов. Его распорядился доставить сам Г.А.Потемкин. Потёмкину, кстати, роговой оркестр так нравился, что он, велев собрать небольшой, несколько лет возил его с собой во время военных походов по Новороссии и Тавриде. Был у него и свой «роговой капельмейстер» – Карл Лау (помимо него с Потемкиным ездил его личный капельмейстер-композитор, итальянец Дж. Сарти).

Рога принимали непереносимое участие в разнообразных празднествах, звучали во время больших приемов и балов, при парадных столах («столовая музыка»), на охоте, гуляниях, катаньях на санях, во время военных парадов. Для роговых хоров делались обработки танцев, маршей, народных песен. Придворные капельмейстеры писали для рогов специальные произведения, иногда довольно сложные, как, например, многоголосная fuga Дж. Сарти, исполнявшаяся в 1787 году в Херсоне перед австрийским императором Иосифом II. Да и другие пьесы играли далеко не самые простые, вплоть до увертюр Глюка и Моцарта. Была доведена до совершенства специальная нотация. Звучание рогов применялось как дополнительная тембровая краска в театральных представлениях, заменяя в оркестре, как правило, тромбоны – так было при исполнении при дворе оперы Г.Ф.Раупаха «Альцеста», в опере-мелодраме Я.Б.Княжнина и Е.И.Фомина «Орфей», некоторых духовных сочинений Дж. Сарти и О.А.Козловского.

К концу XVIII в. диапазон рогового оркестра расширился, количество рогов возросло до 90, они по необходимости дополнялись другими духовыми, способными играть мелодию и подходящими по тембру; иногда эти инструменты солировали. В основном, это были валторны и трубы.

Роговой оркестр всё чаще становился участником на маскарадах, во время гуляний на островах. К концу царствования Екатерины II без «рогов» уже не обходился ни один

маскарад. Под аккомпанемент роговой музыки там смешили публику комедианты и жонглеры.

Музыкальное «чудо» было все более востребовано, техника игры на рогах развивалась и совершенствовалась. Еще с елизаветинских времён славились так называемые «невские серенады» или «музыка на воде» – во время белых ночей по петербургским рекам ходили большие лодки (трескоты), в которых рассаживались музыканты, и берега оглашались чарующими звуками.

«Или над невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов...»

Так писал Державин в оде «Фелица» в 1782 году...

О петербургских серенадах было рассказано в предыдущем номере. Но их история закончилась в первой трети XIX века. А история роговой музыки, начавшись с каприза гофмаршала Нарышкина, продолжалась и продолжалась. И продолжается, между прочим, до сих пор...

(продолжение следует)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЕРЕНАДЫ («музыка на воде», «невская музыка», «невские серенады»), летние водные прогулки с пением. Сугубо петербургская традиция. Первые известия о подобных развлечениях идут с середины XVIII в., времени императрицы Елизаветы Петровны. Поначалу «музыка на воде» была своего рода театрализованным представлением, разыгрываемым крепостными владельцев загородных дач и имений для «услаждения музыкою» господ и их гостей. Летними вечерами или в белые ночи, как правило, уже обученные певчие рассаживались в лодки и совершали прогулки с пением по Черной речке, Малой и Большой Невкам, Неве, Фонтанке. Гости, иногда многочисленные, специально съезжались на дачи к Нарышкиным, Строгановым, чтобы послушать «невскую музыку». Нередко среди гостей была сама императрица. С изобретением в 1750-е роговой музыки к хорам певчих стали присоединяться «хоры» роговой музыки. Г. Р. Державин в оде «Фелица» в 1782 описал это уже как традицию: «Я тешусь по ночам рогами / И греблей удалых гребцов». Во времена Екатерины II «невская музыка» стала столь популярна, что превратилась в своего рода символ Петербурга, ею непременно «угощали» приезжавших в Петербург именитых иностранных гостей. Мемуарист П. А. Сумароков, описывая приезд в 1796 в Петербург шведского короля, сообщал, что в честь этого события на Неве «составлялось из множества шлюбок катанье, и эхо песенников, роговой и духовой музык оглашало спокойные берега». «Серенады» стали частью торжеств, устраиваемых по поводу побед или годовщины какого-либо важного события. На торжествах 1775 в честь годовщины заключения мирного договора с Портой пышным зрелищем («позорищем») на воде с участием певчих и хоров роговой музыки руководил лично президент Академии художеств И. И. Бецкой. Очевидно, уже в елизаветинские времена в Петербургских серенадах стали принимать участие сами вельможи, знать. Как вполне обычные, такие вельможные «серенады» с роговой музыкой в 1760-х описывал академик А.-Л. Шлёцер: «... слышу: вот едет Григорий Орлов на яхте вниз по Неве. За ним вереница придворных шлюпок, а впереди лодка с сорока <...> молодцами, производящими музыку, какой я в жизни не слышал».

«Серенады» (или «серенаты») с катанием на лодках устраивались при Екатерине II и на озерах в Царском Селе и в Павловске. Иногда музыкальное сопровождение гуляниям составляли певцы и роговой оркестр, расположившиеся на берегах. Для подобных праздников заказывалась музыка придворным композиторам - Дж. Сарти, Д. С. Бортнянскому.

В эпоху Павла I, сократившего число увеселений вообще и с использованием

роговой музыки в частности, «серенады» стали редки. В начале XIX в. традицию «пения на воде» подхватили снова, причем участвовали в них уже не только вельможи. Особенно полюбили «серенады» молодежь, они стали любимым ее развлечением во время белых ночей. Естественно, предпочтение отдавалось пению, причем были это простые любительские импровизации. В 1809 «серенады» описывал посланник сардинского короля Ж. де Местр: «Порою нам встречались щеголевато украшенные шлюпки; весла на них уже убрали, и они тихо предались безмятежному течению <...> Гребцы затаили народный напев, меж тем как их хозяева в молчании наслаждались красотой видов... Русские музыканты, сидевшие между гребцами, устремляли вдаль шумные звуки своих рогов. Подобного рода музыка принадлежит одной лишь России...»

В 1822, как утверждали «Отечественные записки», особенно пышное действо представляли «серенады» Д. Л. Нарышкина: «Перед домом его (что на Английской набережной) с 6 час. вечера и до поздней ночи разъезжали на Неве шлюпки с разного рода музыкою: роговою, духовою, хором певчих с рожками, бубнами и тарелками». Такие же действа происходили на даче у Нарышкина на Каменном острове, где летом часто бывал император Александр I, иногда проводивший здесь несколько вечеров подряд и особенно любивший прогулки по Неве в сопровождении катеров, в которых рассаживался хор роговой музыки.

В Павловске и в Царском Селе для Двора и приглашенных устраивались гуляния на прудах и озерах с пением и роговой музыкой, но, как и при Екатерине, музыканты часто располагались на берегах. Газеты сообщали о прогулке и полднике в июне 1816 в Новом Шале в Павловске, где под звуки роговой музыки и пение «находившихся <...> при доме г. Бортнянского придворными певцами малороссийских и русских песен», нарядно убранные «трешкоты» [катера - Ю.К.] «проплыли по пруду перед Трельяжем к крепости Бип».

Рога употреблялись в петербургских серенадах до конца 1830-х, когда роговая музыка надолго вышла из употребления. А. П. Керн в своих мемуарах описывает последние «серенады» с использованием рогов на даче Д. Л. Нарышкина, вблизи которой она жила в 1830-х: «... известная всей Европе роговая музыка была и для нас большим наслаждением... по будням же она [роговая музыка - Ю.К.] разъезжала тихо в большой лодке по Неве и своими чарующими звуками, далеко разносившимися по реке, доставляла удовольствие тысячам людей».

Ист.: Глинка М. П.. Записки. М., 1988; де Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998.

Лит.: Вертков К. А. Русская роговая музыка. Л.-М., 1948; Пекелис М. М. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. В 3-х т. Т. 1. М., 1966.

Ю. Н. Кружнов

ⁱ Штелин Я. Известия о музыке в России. СПб., 1770.